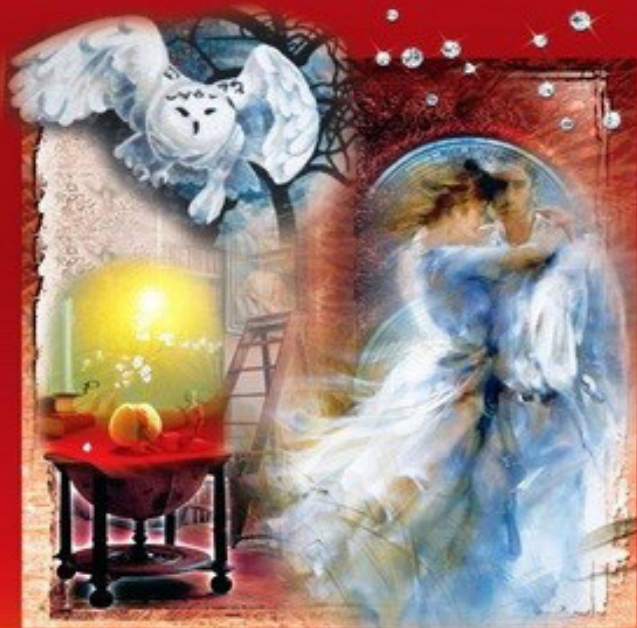

БЕЗ ВРЕМЕНИ

Олег Ёлшин

Современный женский роман

Олег Игоревич Ёлшин

Без времени

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21210442

Без времени: 2013
ISBN 978-985-549-677-0

Аннотация

Он и Она – извечная тема. Два человека проживают обычные жизни, превращая их в будни, топчут время свое, не задумываясь ни о чем. Как просто, когда времени остается много, а “тот” берег далеко. Уже десять лет они вместе, но только стены надоевшей квартиры объединяют их. Надоевшие завтраки и ужины, надоевшая постель. Они даже забыли имена друг друга, у каждого свои желания, мечты, своя жизнь. Все обыденно и просто, все до боли знакомо – все как у всех. Но беда помогает им заметить друг друга и встретиться вновь. Неожиданно Он узнает, что времени этого осталось не так много. У Нее страшная неизлечимая болезнь. Собственно, болезнью не назовешь. Просто Она проживает жизнь быстрее, чем прочие люди. Теперь Она находится в другом измерении, в своем времени. Ее день равняется целому году жизни нормального человека. И вот уже первые морщинки и седые волосы, а ей всего 30. Их время сжимается в один короткий месяц, за который нужно успеть многое, успеть сделать то, что не смогли за целых

десять лет. И начинается стремительный полет. Они несутся по короткой жизни, пытаясь наверстать, снова замечают друг друга, знакомятся, вспоминают имена, привычки, вспоминают, что любили друг друга когда-то... Нет, не любили. Только сейчас учатся это делать и ценить каждое мгновение.

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Олег Ёлшин

Без времени

Жизнь коротка, искусство вечно.

Нужно овладеть искусством жить.

Жан Луи Барро

Часть 1

1

Он сидел в небольшом уютном ресторанчике, занимая столик у самого окна, и не обращал внимания на меню, давно лежащее перед ним. Вокруг пустые столы, размеренно снующие официанты, редкие посетители, за окном унылый осенний дождь. Люди в зале лениво жевали, вяло разговаривали, курили. Курили в той части зала, которая была отведена для курящих, и сизый дымок сигарет переплывал в зону для некурящих посетителей. Те дышали этим смогом, вдыхая его аромат, что, по-видимому, отнюдь не смущало их. Достаточно было таблички, на которой значилось, что столы их находились в зоне для некурящих.

Официант уже несколько раз прошелся мимо, желая принять заказ, но человек не обращал на него никакого внимания, впрочем, как и на остальных в этом зале. Наконец, оторвавшись от созерцания унылого дождя за запотевшим окном, пристально уставился на девушку, сидевшую напротив.

Девушка была какой-то необычной, воздушной и прозрачной. Она совсем не походила на людей в этом зале, ее словно легким ветерком занесло сюда. Присутствие ее от-

личала какая-то нереальность. Она была словно из другого времени, другой жизни, планеты, другого измерения. На ней был надет по такой непогоде странный летний сарафан, кожа была загорелой, а глаза светились теплой улыбкой. Ее глаза с какой-то пронзительной нежностью смотрели на этого осеннего человека, и он не мог оторвать от нее взгляда. Он любовался ею, отдаваясь всецело созерцанию юного существа, и временами казалось, что это мираж, сказка – сейчас она вспорхнет и улетит, растворится в голубоватой дымке сигарет, в осеннем дне, растает в холодном дожде. И поэтому он, не отрываясь, вглядывался в ее удивительные синие глаза цвета морской волны. Волны, когда предгрозовое море становится черным, иссиня черным, и уже готовится нетерпеливо накатить на берег, снося и низвергая все на своем пути. Но, пока оно только готовилось к буре, и частичка лета мерцала, улыбаясь в ее волшебном взгляде. Жаркого, сумасшедшего лета, которое хотелось удержать, продлить на всю долгую жизнь и раствориться, оставшись там навсегда...

Официант, не выдержав, снова подошел и задал вопрос:
– Что будем заказывать?

Человек коротко бросил через плечо:
– Водки,... 200 водки...

Больше не проронил ни слова, лишь продолжал смотреть на нее. Эти черные с синеватой поволокой глаза, эти иссиня-черные колодцы притягивали. Как хотелось броситься на их глубину, не думая ни о чем, раствориться в холодной во-

де, и будь что будет... А девушка только улыбалась. И тогда он подумал:

– Если бывает сказка, она должна быть именно такой.

Машинально сделал глоток из рюмки, в которую из графина уже налили холодной водки. Удивился неожиданно резкому привкусу, посмотрел на официанта, тот тоже выжидающе уставился на него. Человек снова отвернулся, устремив взгляд на девушку.

– Сказка! – вспомнил он. – Эта девушка, ее удивительные невинные глаза, хрупкий стан, облаченный в летний, старомодный, открытый сарафан... Такое сейчас не носят, – подумал он, и посмотрел на холодную улицу за окном, поливаемую дождем. Впрочем, какая разница, сейчас это не важно – носят, не носят. И снова эти глаза напротив, частичка моря и лета, жаркого и бесконечного.

Как хотелось просто взять ее за руку, провести по маленькому трапу и шагнуть на борт корабля. Небольшого суденышка с белыми парусами, где будут лишь они вдвоем, ветерок, развевающий ее длинные черные волосы, и море, бесконечное, синее, и эти глаза. Корабль, где будут только они вдвоем...

Он долго сидел и цедил водку. Когда небольшой кувшинчик оказался пуст, внимательный официант подошел снова: – Что-нибудь еще? Сделаете заказ?

– Водки, – повторил человек, – еще 150.

– Ждете? – переспросил официант, – может, пока немного

закуски?

– Ничего не нужно! – возразил тот, потом добавил:

– Жду, ... пока еще жду.

Снова уставился в холодное, запотевшее окно. Потом перевел взгляд на девушку. Она стала другой. Исчез тот легкий, воздушный сарафан, улетучился беспечный удивительный взгляд, который еще мгновение назад так волновал его. Теперь это была взрослая, зрелая женщина. Лицо было покрыто слоем косметики, а глаза, те удивительные глаза, предвестники скорого шторма или морской бури, были подведены черной тушью. Но даже не это было важно. Исчезло то мимолетное волшебство, что таилось в них. Это море и запах соленой воды, синий отблеск набежавшей волны, который готовился превратиться в черный, безумный. Этот цвет бездонного колодца исчез, и больше не хотелось броситься и раствориться, сгнуться в зияющей пустоте неизвестности. Только сизое облачко сигаретного дыма. Женщина курила и спокойно на него смотрела. На ней был теплый костюм, который, согревая, не давал замерзнуть в этой дождливой осени, и потухший взгляд красивых глаз. Спокойный, рассудительный, до боли знакомый и пустой.

– Написать ей письмо, – подумал он, выпив еще рюмку, поморщившись от горького привкуса, к которому привыкнуть невозможно, и начал писать, иногда прорывая мягкую салфетку насквозь.

“Говорить такое трудно и невозможно, поэтому пишу. Если сказать это вслух, все равно не услышишь или на каждое слово найдешь десяток в ответ. Просто, все куда-то делось, все исчезло, растворилось. Знаешь, как тяжело иногда бывает смотреть на твою спину, согнувшуюся над компьютером, потом на безмолвную фигуру у телевизора. На женщину, готовящую еду, уходящую на работу, уходящую навеки. Уходящую, уходящую... А когда она возвращается – все сначала. Снова потухший взгляд, еда, бессмысленное кино и ледяная постель. Там холодно и одиноко, как в могиле, но почему-то работает телевизор. Два охладевших тела смотрят в него, потом засыпают. Или не засыпают вовсе... Знаешь, что такое слышать стук своего сердца? Когда лежишь в темноте и слушаешь этот проклятый звук, и клянешь, чтобы все остановилось, замолкло. Какой-то длинный темный тоннель, а в нем зачем-то бьется эта неустанная мышца. Гулким эхом отражается, заполняя всю комнату, и заснуть невозможно. И заглушить его нечем, слова сказать некому, только этот размеренный стук, а завтра все сначала... Ты даже не захотела мне родить ребенка... Я больше так не хочу”.

Он допил водку и поставил точку в письме, пригвоздив салфетку к столу. Официант вновь подошел:

– Что-нибудь еще?

– Нет, ничего, больше ничего...

– Не пришла? – бестактно, но с сожалением спросил он, взглянув на пустое место напротив его клиента. Место дей-

ствительно было пустым. Весь вечер на этот стул так никто и не присел.

– Так бывает, – подумал официант, – очень часто именно так и бывает.

– Нет, – резко ответил человек, потом устало добавил, – с чего вы взяли,... и не должен был никто прийти... Счет, пожалуйста...

Потом вышел из ресторана и нетвердой походкой отправился к стоянке такси. Дождь был моросящим, это был тот самый дождь, который не кончается никогда, он медленно, капля за каплей, орошает все вокруг, висит в воздухе, заполняя пространство мелкой пылью из воды и городского смога, сигаретного дыма и испарений. Он не даёт тебе поднять головы и посмотреть туда, где должно быть небо и солнце или звезды, все зависит от времени суток. Но, у этого дождя не бывает времени, только пасмурное небо и промозглый туман. И он не даст тебе разглядеть что-то еще. Будет моросить, помогая забыть лето, которого, скорее всего, и не было никогда, глаза, которых, наверное, тоже не было, черно-синюю набежавшую морскую волну и корабль с белыми раздувающимися парусами...

Она стояла на корме парусника, и, цепко держась за перила, вглядывалась в бесконечную даль океана. Стояла так уже целую вечность и смотрела туда, где небо соединялось с беспокойными волнами, где кончалась земля и начиналась

какая-то другая стихия, другая жизнь. Ее длинные черные волосы развевались на беспокойном ветру. Солнце вставало из-за горизонта, освещая утренними лучами водную гладь, начиная новый день над бесконечной синей равниной. Наступало то единственное мгновение, когда оно еще касалось горизонта, но уже готово было оторваться, устремиться на высоту, чтобы залить весь этот водный мир ослепительными лучами, подарить тепло и жизнь, и любовь. Этот миг был маленькой короткой сказкой, и сказку эту подарил ей Он. В такие мгновения не существует ни прошлого, ни будущего, есть только настоящее. Этот ослепительный миг и он твой... И Его тоже...

Только, почему-то он не шел. Он находился то ли в трюме этого маленького белого корабля то ли где-то еще, но его не было рядом, и это утреннее мгновение принадлежало только ей.

Сказка! Он подарил ее. Наверное, именно такой она должна быть, если сказка вообще существует – сияющая, в пенных прозрачных волнах беспокойного океана, обдуваемая легким утренним ветерком. Сказка была в этом утре, в темно-синих волнах, в волосах, развевающихся, как черная грива норовистого скакуна, в отблеске белых парусов и ярком солнце. Она была в маленьком домике в горах, который они так долго хотели построить, где по утрам открывалась деревянная дверь, и двое несмышленых малышей вываливались на улицу, что-то гомоня... Двое малышей... Или трое!.. Да,

трое! Потом она сама выходила на эту светлую улицу, провожая детей в новый день, в жизнь, в их сказку... Только он снова был где-то далеко! Он пропустил и это утро, и солнце, освещающее их маленькие жизни. Подарил им это волшебство, а сам был где-то далеко отсюда... Наверное, был занят, не успел или опоздал, задержался, и солнце опять начинало новый день без него.

Женщина оторвалась от поручня, вынув из пачки сигарету. Сизый дымок заполнил палубу. Нет, не палубу, заполнил помещение едким запахом табака. Женщина сидела в комнате на диване и курила. Веселый ветерок не шевелил больше ее всклокоченных волос, а солнце не отражалось в иссиня-черных глазах. Взгляд был потухшим, пустым. И только сигаретный дым.

– Зачем тебе этот дом, который ты будешь строить всю свою жизнь, корабль, которого нет вовсе, зачем эти мечты, когда мы так далеки друг от друга? Сейчас ты войдешь, сядешь на кухне, съешь ужин, не замечая, что в твоей тарелке, потом как всегда ляжешь в постель и отвернешься. Или пойдешь спать в свой кабинет за стеной.

Женщина снова затянулась, выпустив клубок сигаретного дыма.

– Нужно написать письмо, – подумала она. Взяла лист бумаги, ручку, задумалась, и начала писать.

“Если тебе сказать это, ты все равно не услышишь. А если услышишь, сделаешь вид, что не понял или это не имеет

для тебя значения. Мои слова не материальны для тебя. Они не имеют никакого смысла. Поэтому приходится выводить их на листке бумаги, который, может быть, ты прочитаешь. Зачем этот дом, который ты придумал, зачем белый корабль с парусами? Зачем все это, если ты давно в какой-то другой жизни? Ты просыпаешься, надеваешь костюм, съедаешь завтрак и уходишь. Ты идешь в свою жизнь, делаешь карьеру, бизнес, зарабатываешь деньги. Зарабатываешь на мечту, которая уже невозможна, возвращаешься и молча ложишься в постель. А потом... Ты знаешь, чего стоят эти слова, которые хочется сказать, но почему-то все откладываю. Уже десять лет молчу и не говорю. И ты тоже молчишь. Уже почти десять лет! Я состарилась за эти годы. Мне всего тридцать, а чувствую себя, словно живу с тобой сотню лет. Или не с тобой, а сама по себе. А тебя нет. Ты знаешь, чего стоит, когда эти слова колотятся в висках, просясь наружу, а зашнуровать невозможно. И глаза сверлят черный потолок. Целую ночь, каждую ночь. А завтра все сначала. Ты даже не захотел иметь от меня ребенка... детей. Только твоя карьера, работа, твоя жизнь. Скоро я превращусь в старуху. Молодую, но очень-очень старую женщину, в которой ничего живого не осталось. И уже думаю – а было ли что-нибудь в моей жизни? Хотя бы мечта?... Где ты был все эти годы? Когда мы с тобой разминулись? Я больше не могу так и не хочу”.

Женщина сложила письмо надвое, отнесла в другую комнату, положив на его рабочий стол. Там он его заметит точ-

но. Докурила сигарету, затушила ее и стала ждать... Или не ждать...

Нескончаемый морозящий дождь растворился во мраке, и город осветился яркой Луной, которая в полную силу мерцала, празднуя полнолуние. Город стоял мокрый, озябший. Окна домов засветились желтыми огоньками, но и те вскоре начали гаснуть, люди засыпали в своих постелях, люди провожали этот день, чтобы завтра начать другой. Луна заглядывала в потухшие глазницы домов, путешествуя по улицам и площадям, по крышам и чужим квартирам. Заглянула и сюда, где два человека не могли уснуть. Они сидели, каждый на своей кровати, облокотившись о подголовники, держа по письму, перечитывая снова и снова. Луна играла ярким светом на их взволнованных лицах, отражаясь от пола и мебели светила им в глаза. А они все сидели и читали. Их кровати стояли у стены, которая разделяла две эти комнаты. И они были всего в нескольких сантиметрах друг от друга. Сломай эту стенку, протяни руку и прикоснешься к нему... к ней... Станет не так холодно. Станет хорошо и близкое существо согреет, а еще можно сдвинуть плотные занавески и остаться наедине. Просто, побыть вдвоем, чтобы никого больше. Ни потухших окон или мокрого города, ни яркой Луны. Только они вдвоем...

Он встал и подошел к двери, разделявшей их, она тоже вскочила с кровати. Два человека стояли и разглядывали в

темноте неожиданно возникшую преграду. Он взялся за ручку, хотел, повернуть ее, но, остановившись, подумал:

– Почему я? Нет, так не будет.

Она тоже, едва дыша, замерла у двери, а в голове ее билась привычная фраза: – В конце концов, он мужчина!

Мужчина подумал: – Но она же женщина! Черт возьми! Женщина она или нет?! Почему Я?

– Все равно ничего не получится. Ни к чему все это, – опустила она руки.

– Нет, ни к чему, – вторил его молчаливый голос: – К черту все! Просто нужно уснуть.

– Попытаться уснуть, – подумала она.

– Может еще 100 граммов проклятой водки?

– Пожалуй, еще одну сигарету, – подумала она.

– И спать, – добавил он.

– Спать, во всяком случае, попытаться уснуть, – поправила она себя.

– Да, спать, – согласился он.

Два человека вернулись в свои постели, и яркая желтая Луна осветила их одинокие фигуры в темноте...

Завтракали молча. Он намеренно уткнулся в свою тарелку и не смотрел на нее. Просто не замечал. Впрочем, не видел и того, что было в этой тарелке, не различая вкуса и запаха. Она тоже невозмутимо молчала, иногда поглядывая на него. Он чувствовал этот взгляд, но абсолютно не реагиро-

вал. Так продолжалось какое-то время. Телевизор навязчиво сообщал какие-то новости. Новости были неинтересными, а еда безвкусной. Впрочем, эти новости никто не слышал, как не ощущал и вкуса еды. Наконец, он протянул руку и чайной ложкой зачерпнул сахар, неся ее через стол. Она внимательно следила за этим знакомым жестом. Он прекрасно знал, что она терпеть не могла, когда он так делал – нес этот сахар через весь стол, обязательно просыпая по дороге. Она всегда реагировала, но сейчас почему-то промолчала. Он размешал чай, но вторую ложку класть, не стал.

– Почему не стал? – подумала она.

– Почему она ничего не сказала? – подумал он. Так они еще сидели какое-то время под звуки надоедливого телевизора, съедая безвкусный завтрак. Первым не выдержал он:

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – взглядом спросил он и посмотрел прямо в ее глаза. Глаза были уставшими, не выспавшимися. Глаза были некрасивыми. Эти удивительные глаза, которые он так любил когда-то, были сейчас совсем не красивыми. Они не излучали блеска, не искрились улыбкой или иронией. Не скрывали в себе никакой тайны, не говорили ни о чем. Взгляд был потухшим, чужим.

– Нет, – равнодушно молчаливо ответила она своим взглядом.

Они не произнесли ни слова, но понимали друг друга, и никакие слова сейчас были не нужны. Он еще раз взглянул в ее глаза: – Совсем ничего? Ты уверена?

– Я думала, ты мне что-то скажешь? – молча возразила она.

– Я? – удивился он, – и не собирался.

Он снова уткнулся в тарелку. Они молчали, но каждый продолжал про себя что-то говорить. Только про себя, и лишь телевизор осмеливался говорить вслух. А он ел и понимал, что закончится завтрак – закончится и странный разговор этих двух молчащих людей. Поэтому стал жевать медленнее. Снова взглянул в ее глаза. Поймал себя на мысли, что давно их не видел.

– Как могло такое произойти? – подумал он. – Каждый день видеть человека и не видеть его глаз? Парадокс!

Поймал себя на мысли, что она постарела. Он впервые разглядел морщинки на ее лице.

Нет, он не уйдет из-за стола, пока они не объяснятся, иначе потом целый день будет думать о ней. Целый день будет на взводе. А это вчерашнее письмо было для него неожиданным и обидным. Его обвинять! Его! Он всю свою жизнь положил на эту работу, на бизнес, и все было ради нее. Он даже не имел любовницу, хотя любая была бы счастлива пойти за таким мужиком – успешным, сильным, красивым. Мужиком, у которого куча денег, классная машина, бизнес. И все это было ради нее одной! А письмо – это просто несправедливость! Она должна что-то ему сказать! Именно она!

Чем больше они так сидели и ковыряли в своих уже пустых тарелках, тем больше он бесился. Не выдержав, с гро-

хотом отставил от себя остывший несладкий чай и протянул ложку к сахарнице. Медленно понес ее через весь стол, намеренно просыпая сахар. Наконец услышал желаемое:

– Ты же знаешь, я терпеть этого не могу! Ну, неужели нельзя пододвинуть к себе сахарницу. Каждый день одно и то же.

– И это все, что ты можешь сказать? – завелся он с пол-оборота. – Это все, на что ты способна? – добавил в возмущении.

– А на что способен ты? – тоже завелась она. – Я не так много у тебя прошу. Но, такую мелочь – не просыпать каждый день сахар на стол – неужели так трудно это сделать? Ты способен хотя бы на это?

– Я способен? – возмутился он. – Это единственное, что тебя волнует? Если бы не этот чертов сахар, ты вообще не замечала бы меня. Или я неправ? Почему только негативная реакция на меня! – негодовал он. – Я способен! А на что способна ты? Даже не можешь быть со мной просто женщиной. Посмотри на себя в зеркало! Ты даже не хочешь привести себя в порядок ради меня. Сахар! – уже почти кричал он. – Вот тебе сахар! – воскликнул он, переворачивая сахарницу, высыпая ее содержимое на стол, – смысл жизни на дне этой сахарницы!

Он вскочил и быстро вышел из кухни, не слушая ее. А она и не говорила ничего, просто сидела и молчала. Видимо, ей тоже хотелось сегодня утром поговорить с ним. Хотя бы

услышать его голос. Вот и услышала.

Он влетел в гостиную с желанием быстро собраться и уйти. Взял дипломат, который оставил вчера, и отправился в спальню одеваться. Проходя мимо стола, где стоял ее компьютер, заметил конверт большого размера с казенным адресом. Хотел, было, идти дальше, но внезапно остановился. Что-то было необычное в этом конверте. Он снова посмотрел на него и понял. Необычной была крупная надпись: “Результаты анализов” и подпись отправителя: “Генная лаборатория”. Он, не раздумывая, вытряхнул его содержимое на стол. Оттуда выпали несколько бланков, мелко испещренных какими-то латинскими символами, неизвестными цифрами. Он читал и ничего не понимал. Потом странная мысль промелькнула в сознании. Он лихорадочно рассматривал эти листки, пытаясь найти хотя бы одно понятное слово, но только незнакомая латынь издевалась над его невежеством. — Неужели она беременна?

С трудом вспоминая, когда они в последний раз были вместе, тупо рассматривал непонятные иероглифы. Он не знал, как к такому относиться. Он давно не думал на эту тему. Когда-то они уже прошли через это, но тогда решили подождать и отказаться. Не было квартиры, не было денег. Только начинали становиться на ноги. Просто, решили мужественно отказаться и подождать. Все это было так давно. А потом уже не говорили об этом долгие-долгие годы, но теперь... Он не

знал, как отнестись к такому. И еще одно волновало его.

– Она знает, но ничего не говорит!

Кровь прилила к лицу.

– Ему не говорит! Как она может молчать?

Он не знал, что делать, обижаться или носить ее на руках!? Уже готов был идти на кухню, целовать ей руки. Прижать к себе, ставшее таким незнакомым, существо, которое скрывало от него ребенка. Его ребенка!

Вдруг услышал:

– Не смей это трогать!

Она быстро подошла и выхватила из его рук бумаги.

– Какого черта ты суешь нос в мои дела? – воскликнула она.

– Твои дела? – задохнулся он. – Это только твои дела?

Потом, умирив свой гнев, уже спокойнее произнес: – Что это? – мягко добавив, глядя, как она прячет бумаги: – Почему ты не хочешь мне сказать? Да, успокойся же. Черт с ней, с этой сахарницей... Ну, хорошо,... прости! – сдался он. – Давай поговорим спокойно.

Он усадил ее на диван и сел рядом, внимательно глядя на нее. Она молчала. Подождав мгновение, продолжил: – Скажи мне, что это?... Я твой муж, я хочу знать! В конце концов, я имею право!

Она молчала, неуверенно глядя на него. Он помог ей:

– Я так понимаю, это анализы?

Она кивнула, но продолжала молчать. Он снова загово-

рил:

– Да, не молчи ты, сумасшедшая, скажи, что там написано, я ни черта не понимаю.

– Я не хотела тебе говорить... Пока не хотела.

– Почему? Ну, ты глупая, – воскликнул он. – Ладно, давай, признавайся.

– Это анализы, – тихо ответила она.

– Это я понял... Ну! – настаивал он. – Слушаю,... да не молчи же ты!

Она снова неуверенно и даже робко на него посмотрела, потом сказала: – Это нехорошие анализы.

– То есть? – удивился он.

– В общем..., я немножко заболела.

– Как заболела? – не понял он, – при чем здесь “заболела”?

Что у тебя не так?

Она на мгновение задумалась.

– У меня нашли странную редкую болезнь.

– Болезнь? Какую?

– Ты будешь смеяться, – сказала она, – болезнь раннего быстрого старения. – И произнесла какое-то незнакомое название. Сказала это и теперь смотрела на него с тревогой и трепетом во взгляде. Он задумался на секунду, удивленно на нее уставился и с облегчением выдохнул: – Ну, ты и дура! Нельзя же так пугать... Болезнь! Еще скажи, что ты больна этой жизнью.

– Но, я не шучу! – удивилась она.

– А я тоже не шучу, – воскликнул он, – тебе давно пора заняться собой.

Он встал с дивана и прошелся по комнате.

– Старение! Конечно старение! – с обидой в голосе воскликнул он.

– Молодая девчонка и так себя запустить, не думать о себе и обо мне кстати тоже. Посмотри вокруг, полно всяких средств, 21-й век!

– Ты не понял! – воскликнула она.

Но он уже и слушать не хотел.

– Какого черта! – продолжал он, – ты нужна мне молодой!.. Старение! Купи себе крем, десяток кремов! Сходи на массаж! Сходи в фитнес! Зарядку делай, в конце концов!

Он задыхался от возмущения. Уже собирался выйти из комнаты и закончить этот нелепый разговор. Она его очень разочаровала.

– Я мало денег тебе даю? – в сердцах воскликнул он. – Иди, сделай маску для лица, черт побери. Редкая болезнь... Старение!!!

– Мне не нужны твои деньги! – зло воскликнула она, – я в состоянии себя сама содержать! Какая дура, что вообще рассказала! – вскочила она, пряча конверт.

– Деньги мои тебе не нужны? – зло воскликнул он, – а что тебе нужно, если не мои деньги? Я лучшие годы отдал тебе, работал на тебя, чтобы у тебя было все. Деньги ей не нужны!

– Мне от тебя ничего не нужно! – подойдя ближе, зло бро-

сила эти слова ему в лицо.

– Поставь себе силиконовый нос, – продолжал он, – силиконовый рот, пей витамины. Любовника найди, в конце концов, если не можешь быть в твои годы молодой любящей женой.

– Я решу, что мне делать! Учти, разговора этого не было, – зло смотрела она. – И я ничего тебе не говорила! Нашла с кем поделиться, дура. Разберусь сама со своими проблемами.

Она вышла из комнаты, бросив напоследок: – И впредь не смей рыться в моих бумагах...

Он в бешенстве прошелся по комнате, потом уселся на диван.

– Надо же, так завести его с самого утра! И все из-за какой-то ерунды, – и пожалел, что сейчас перед ним не оказалось еще одной сахарницы, которую с удовольствием грохнул бы об пол надоевшей квартиры, с надоевшей женщиной, в надоевшей дурацкой жизни... Входная дверь хлопнула, и только телевизор на кухне продолжал вещать нескончаемые новости...

2

Сидя в своем офисе, он долго рассматривая стену напротив и о чем-то думал. В последнее время он часто так делал, устремив свой взгляд, с замиранием, сосредоточенно глядя на нее. Мог так просидеть долго, пока не отвлекал звонок

телефона или голос вошедшей секретарши. А на стене находился гигантский коллаж из картин, украшавших кабинет. Там были фотографии больших и маленьких кораблей, парусников и моторных лодок, морских ракет с мощными двигателями и океанических лайнеров. Это была его мечта и его игра. Говорят, у каждого мужчины должна быть своя игра! Он свою нашел. Нет, его бизнес не был связан с грузоперевозками или судостроением. Он занимался прозаическим бизнесом, который делать можно было только на суше, и как управляться с самой маленькой моторной лодкой, он пока не представлял. Но так было до поры до времени. Уже давно его желанием и не тайной мечтой стало купить один из таких кораблей, закончить школу яхтсменов, выйти в открытое море и, наконец, поплыть... А еще приобрести небольшой домик где-нибудь в горах – маленькое шале, которое свисало бы со скалы, а там вдалеке снова угадывался бы незабываемый пейзаж с видом на море или океан, где всегда солнце, высокое небо и чистый воздух, незамутненный выхлопами цивилизации и суетой городов и дорог. Только море, горы и маленький кораблик у пирса. И еще Она... Они...

Но, оторвался от этого созерцания и снова вспомнил обо всем. Вспомнил о ней! Он был очень зол!

Прошло несколько дней с момента их последнего разговора, вернее ссоры. Несколько дней они не разговаривали или делали вид, что не замечают друг друга. Находясь в одной квартире, возвратившись с работы, молча проходили мимо,

расходясь по разным комнатам, заканчивали свой день. Он устал от этого. Он не терпел равнодушия, пустоты в своей жизни. Наконец, когда у него появилось желание сделать что-то для себя, спустя столько лет каторжного труда, получить от жизни все, быть кому-то нужным, в ответ молчание, жизнь в разных комнатах и неумение засыпать в крошечной тишине. И еще это письмо... Ее письмо...

Десять лет он шел к своей мечте. Казалось, целую вечность посвятил бизнесу, посвятил ей! Было тяжело. Он не имел богатых родителей, не имел родственников или друзей во властных структурах, где делился тот самый пирог, который приносил лишь немногим большие деньги и возможности. Добиваться всего приходилось самому. Самому доказывать и обходить подводные камни, выбираться из сложных ситуаций “цивилизованного” бизнеса, который давался только избранным. Но кое-что удалось. Он заработал на квартиру, чтобы больше не зависеть от родителей – ее родителей и своих тоже. Потом заработал на достойную жизнь. Они купили машину, купили вторую. Он трудился в поте лица, впрочем, как и многие. И наконец забрезжил просвет. Начали появляться заказы, которые приносили хорошие деньги, а на что их потратить он уже знал. Оставалось немного – полгода, может быть, год...

Мечта – что это? Детство, ребячество? – думал он. Когда они были почти нищими, все было намного проще. Нужно было лишь сводить концы с концами, зарабатывая немного

на жизнь, а там будь что будет. Но появились эти деньги. Однажды поймал себя на мысли, что стоит перед чертой, которую скоро переступит и окажется в какой-то новой жизни, где совсем другие правила. Он знал многих своих старых друзей, которые уже сделали этот шаг и теперь быстро менялись. Менялись на глазах. Менялись их жизни и судьбы, они становились другими, менялись желания. Они с легкостью разрушали свое прошлое, шагая вперед, словно с завязанными глазами. Их вовсе не интересовало – куда. Эти деньги словно ослепляли дальнейший путь. Их обладатели становились легковесными, циничными, способными на все с помощью этих денег, но не способными без них ни на что. Однажды и он почувствовал, что подошел к этой заветной черте вплотную. Эти люди – его прежние друзья, словно стирали самих себя, они не хотели ничего, что нельзя было купить за эти деньги и наоборот, желали теперь только того, что стоило еще больших денег. И бег этот был нескончаемым. Он знал человека, который теперь способен был украсть, чтобы увеличить капитал. А раньше он был учителем в школе... Учителем литературы. Другой, потеряв все на неудачной операции, покончил с собой, третий просто избавился от своего конкурента... Бывшего друга. Просто? Да, очень просто! Конкурента не стало. Не стало совсем. Потом они вместе пришли на поминки и утешали несчастную вдову, а завтра тот спокойно переступил порог чужого офиса, сев в чужое кресло. Кресло своего закадычного друга детства. Пе-

реступил...

Раньше все эти люди были нормальными ребятами, отличными парнями, друзьями, но теперь все так изменилось. Тогда и понял, что стоит у черты, за которой скоро окажется сам, а что там дальше? Словно земля уходила из-под ног, он был на краю, собираясь сделать этот шаг. Пока лишь готовился, но зияющая дыра под ногами уже притягивала, манила – он чувствовал, еще немного и остановиться будет невозможно. Тогда и появилась маленькая мечта. Интуиция подсказывала, что нужно заполнить каким-то смыслом эти бес-телесные бессмысленные деньги и только тогда можно будет двигаться вперед. Как подсказала когда-то, глядя на предложенную ему сигарету с опиумом, что делать этого не стоит. И почему нет клиник, где лечили бы от алчности? От наркотиков есть, от чего угодно, только не от этой зависимости. А сильнее ее придумать что-либо сложно – многие столетия мир озабочен лишь одним – купить себе оставшуюся жизнь. Купить, и, может быть, часть забрать с собой, туда, где тебя ждут одного...

Но теперь он готовился переплыть эту пропасть на своем корабле вместе с Ней. Теперь ничего не страшно. Деньги, а завтра снова только деньги, более крупные,... но если есть перила, за которые можно держаться, а над головой паруса, а за бортом бесконечное море, а рядом Она..., Они – ничего не страшно. Теперь можно плыть в согласии с ветром и самим собой... И с Ней... Вот только где теперь она? Почему ее нет

рядом?

Он снова посмотрел на стену, по которой плыли маленькие и большие корабли. А где-то там, на отвесной скале, уже висело маленькое шале, одиноко глядя на бесконечное море, дожидаясь его... Их...

Но сейчас только пустота занимала место в его душе:

– Зачем все это? Куда все делось?

И еще что-то беспокоило. Что?! На днях он, случайно бросив на нее взгляд, заметил, как она изменилась. Какая-то усталость во взгляде, вокруг глаз морщинки, а ведь ей всего тридцать! Заметил несколько седых волос. Не рановато ли? – подумал он тогда. Движения ее стали медленными, неуверенными. Обычно она порхала, все горело в ее ловких руках. Быстро готовила еду, быстро одевалась, спешно уходя на работу или возвращаясь. А теперь седые волосы и морщины. Он какое-то время еще думал об этом, потом набрал номер телефона своего старого приятеля. С ним был знаком еще со студенческих времен. Потом иногда встречались, но со временем все реже и реже. Хотя, запомнил, что тот работал в уважаемой клинике и лечил не простых смертных людей. Можно сказать, “бессмертных”, судя по тому, какие посты они занимали и сколько времени на них сидели. Они поговорили, вспомнили молодость, задали друг другу обязательные, ничего не стоящие вопросы, и ответили бессмысленным, привычным “нормально”. Так было принято, так теперь общались все. Это раньше можно было с порога задать

вопрос или попросить о чем-то, но времена изменились, и они изменились тоже, без такой прелюдии теперь было нельзя. Но друг уже ожидал тот самый вопрос, ради которого о нем вспомнили. Без нужды теперь никто никому не звонил.

Он произнес еще несколько бессмысленных слов,... фраз, и, наконец, спросил:

– У тебя нет хорошего пластического хирурга? Извини, что беспокою по пустякам. Сейчас время такое... Сам понимаешь...

Приятель посмеялся:

– И твоя туда же. Не могут они без технологий. Думают, любить их больше станут. Твоей всего тридцать, зачем ей это?

Он тоже посмеялся и уже хотел закончить этот нелепый разговор, – действительно, какие ее годы, – но зачем-то произнес:

– Понимаешь, она сделала анализы, ей поставили какой-то дурацкий диагноз.

И обронил то незнакомое для него название болезни... или не болезни вовсе. Такой реакции от своего приятеля он не ожидал. Тот всегда был спокойным, флегматичным человеком, но сейчас выражал столько эмоций и удивления, что на мгновение он замолк и замер.

– Что ты молчишь? – кричал его друг в телефонную трубку, – повтори еще раз, как ты назвал диагноз? Ты слышишь меня?!

Он повторил. Теперь долгая тишина зависла в трубке, он даже подумал, что связь прервалась. Потом четкий энергичный голос донесся с того конца провода: – Немедленно бери все анализы и приезжай ко мне!

– Ну,... хорошо, – пробормотал он, – на днях заскочу, закончу с делами и встретимся, пообщаемся, кстати, давно не виделись...

– Ты меня плохо слышишь!? – уже орал его друг, – я сказал немедленно! Все бросай и быстро ко мне! Быстро, я сказал!

– Хорошо, – удивился он. Таким своего друга он не помнил. Да и был ли тот когда-либо таким? Он был очень удивлен, но почему-то безропотно выполняя это поручение, вскочил со стула, быстро спустился на улицу и помчался домой.

Ее не было. Оно и к лучшему. Он не хотел объясняться, еще сам не понимая, что делает и зачем этим занимается. А сам в этот момент пилкой для ногтей вскрывал, как воришка, дверцу своего старенького стола, за которым теперь сидела она и которая почему-то была заперта. Про себя подумал:

– В его доме закрытая дверь? Такого не было никогда! Закрываться от кого-то! Закрываться от него! Какие у нее могут быть секреты! Еще этого не хватало! Ладно, с этим потом...

Знакомый конверт лежал в верхнем ящике и был придавлен толстым альбомом. Он отшвырнул альбом в сторону, вы-

нув листы с ненавистой латынью, и направился к ксероксу. Он не испытывал чувства стыда или неловкости, но ее недавние слова всплыли в памяти: – Не смей рыться в моих вещах!

Такое ему сказать! Ему! Человеку, который делает для нее все! Ладно, с этим потом, – подумал он, остывая и кладя конверт на место. Взяв тяжелый альбом, случайно его приоткрыл...

Он был очень удивлен! Это был альбом с фотографиями, откуда смотрело загорелое жизнерадостное лицо его совсем молодой жены. Совсем девчонки! Он никогда не видел этих снимков! Но почему она никогда не показывала их ему! Он продолжил листать, разглядывая эту удивительную женщину, совсем еще девочку, и снова эти синие бездонные глаза, в которых отражался плеск набежавшей волны, шум прибоя и отблески бури, которая только готова была начаться, но пока лишь спокойное море и яркое солнце в зените... Все листал и листал... Вот она стоит с кем-то в обнимку! Она улыбается, а этот наглец держит ее за талию! Лапает ее и тоже нагло улыбается!

От бешенства кровь застучала в жилах и висках, сердце заколотилось, оно готово было выскочить из груди, глаза налились кровью. Он безжалостно листал все новые страницы, почти разрывая на части чертов альбом, потом подумал, что сошел с ума! Она – эта девочка – его жена снова с кем-то под руку, на ней свадебное платье, а наглец опять улыбается! Вот уже надевает кольцо на ее палец, он держит ее на руках,

уносит куда-то. Уносит ее! ЕЕ!

Выдохнув, захлопнул альбом и устало присел на диван. Эти мгновения дались ему нелегко. Снова открыл его и теперь уже с идиотской улыбкой глядел на фотографии – на нее, на этого наглеца. Наглецом был он сам, только молодым, очень молодым (поэтому и не узнал сразу). Тогда ему было всего двадцать пять, и лицо его безотчетно и весело улыбалось, светясь от счастья, она тоже улыбалась, держась за его шею, пока этот “наглец” нес ее куда-то. Нес в ее новую жизнь, в их будущее, где будет маленький домик в горах и кораблик, нетерпеливо стоящий у причала, просясь в дорогу. А дальше только бесконечное, синее море или океан.

Почему он не видел этих фотографий раньше? Обычно их делают, чтобы смотреть на них потом. Когда наступает это потом? Но она, по-видимому, разглядывала их, раз этот альбом лежал у нее под рукой... Тогда почему не показывала ему?

Заслышав стук входной двери, он вскочил, воровато сунул альбом на место, прикрыв им большой конверт, спрятал копии бумаг в карман и захлопнул дверцу. Потом вышел из комнаты, из квартиры и удалился, ничего ей не сказав...

Она устало подошла к своему столу и открыла дверцу ключом. Достала злополучный конверт. Хотела, было, положить туда еще одну бумагу, которую ей дали сегодня, потом взяла ее двумя руками и принялась читать. Там не было ла-

тыни, да и слов было совсем немного – крошечный короткий текст. Это была последняя бумага, за которой она ездила сегодня, больше ей не придется бегать по больницам и тратить свое время. Тем более, что теперь было жаль этого времени... Очень жаль. Быстро прочитав несколько фраз, она убрала бумагу в конверт и зарыла его глубоко в ящике стола. Больше этот желтый огромный конверт с казенным адресом, слава Богу, ей не понадобится. Взяла альбом в руки, задумалась и начала листать знакомые страницы. Фотографии смотрели на нее и улыбались беспечными юношескими улыбками, они передавали привет из той далекой жизни, из ее юности, и на мгновение она забыла обо всем. Очнувшись, удивилась: – Бывают же такие мгновения, когда время останавливается! – и снова задумалась. Снова и снова листала давно забытые страницы, сидела так и улыбалась...

– Очень хорошо, что приехал один, – сказал его приятель-врач после долгой паузы, во время которой рассматривал содержимое пакета с казенной надписью. Сказал это и снова замолчал, подбирая слова. Потом заговорил:

– Это действительно редкая болезнь...

– Болезнь? – перебил он друга, – что за ерунда? Ну, сделай свои рекомендации, назначь какой-нибудь курс, массаж, гимнастику... Мне все равно, сколько это будет стоить.

Сказал это и уставился на врача, а тот смотрел на него с сожалением и думал. Потом произнес:

– Чтобы стало понятнее, людей, страдающих такой болезнью во всем мире всего несколько десятков. 50–60 человек, не больше...

Он плохо помнил, что происходило дальше. Этот человек, его давнишний приятель, теперь уважаемый врач, что-то мягко объяснял, произносил какие-то непонятные слова, термины. А он словно плыл на белом облаке, и голова кружилась. Он уже не слышал этих слов, лишь обрывки непонятных фраз. Все рушилось в это мгновение, все куда-то исчезало... Потом сосредоточился, пришел в себя.

– Я ничего не понял, – произнес он, – чем она больна?

Врач замолчал и внимательно на него посмотрел, потом сказал: – Ничем. Она абсолютно здорова, насколько может быть здорова женщина в ее возрасте...

– В каком возрасте? – воскликнул он, – ты с ума сошел, ей всего 30!

– Ей 30, да тридцать. Ей 40 или 45, судя по этим бумагам. Она совершенно здорова, просто живет теперь в другом временном измерении. Время для нее идет быстрее, чем для других. Мы проживаем день, она неделю или две... не знаю... нужно наблюдать. Наш год для нее – несколько лет, может быть, десять,... двадцать,... я не знаю, нужно смотреть.

– От этого умирают? – спросил он с ужасом.

– Как умирают от старости, не более того!

– Так что же делать?

Теперь оба молчали. Он вспоминал фотографии юной девочки, которую нес на руках, потом седые волосы на ее голове, морщинки вокруг глаз, и ему стало страшно.

– Сколько ей осталось? – наконец, сумел произнести он.

– Я не знаю, – ответил врач, потом спросил, – у тебя есть возможность потратить некоторую сумму? Существенную сумму.

Он не понял и повторил за ним: – Сумму, да сумму, – и снова замолчал, не понимая.

– Деньги у тебя есть? – уже громче спросил друг, – или дать займы? Время не терпит!

– Деньги? Ну, ... конечно же, есть, ... ничего не надо, ... я решу вопрос! Сколько? ... Найду, ничего не нужно!

– Потребуется значительная сумма, сколько не знаю, – продолжал врач, – у меня есть коллега, живет он в Израиле, у него своя клиника. Там они как раз исследуют так называемый ген старения, который и отвечает за нашу жизнь... Короче, немедленно собирайтесь и вылетайте. Он скажет, сколько времени займет лечение, если вообще сумеет помочь, и сколько это будет стоить. Я предупрежу его. Ты понял?... Ты меня понял?

Он все понял и теперь шел по длинному коридору клиники, который казался ему бесконечным – пока пройдешь до конца, потратишь уйму времени, а кто-то, может быть, целую жизнь...

Потом вышел на улицу и поехал в сторону дома.

– Он должен быть рядом с ней. Должен помочь ей. Теперь они всегда будут вместе, – так думал он.

3

Она ехала на машине по улицам города, преодолевая бесконечные пробки. Ехала уже целую вечность, а дорога все не кончалась и, казалось, что не доедет никогда. Она ехала к нему, пытаясь сократить нескончаемый путь, но светофоры и нагромождение машин, какие-то аварии, заторы, машины с мигалками, пешеходы, переходы... Все вращалось перед глазами, становилось на пути, и уже казалось, что будет делать это целую вечность, хотя, какая вечность оставалась ей, она не знала, только давила на педаль. И снова только гигантская пробка и километры не пройденного пути. Ехала и думала:

– Конечно, он прав. Прав во всем. Только она может сделать так, чтобы им было хорошо вдвоем. Только она должна просыпаться и думать, как начинать этот день, чтобы он в хорошем настроении уходил на работу, зарабатывал черт-вы деньги, строил в мечтах их дом, их сказочный корабль. Потом шел домой, зная, что его кто-то ждет, что он нужен кому-то, нужен ей. Интересно, заметит ли он прическу, которую сделала сегодня? А этот ресторан на самом краю города? Ресторан, куда он водил ее когда-то. Потом в их жизни было много ресторанов, но этот – воспоминание молодости,

воспоминание давно минувших дней, детство какое-то. Там он ей сделал предложение, туда они ходили всегда вместе, и он принадлежал только им двоим.

Это было так давно, но ресторанчик до сих пор работал и не изменил своего меню, даже название на старенькой вывеске напоминало ей обо всем забытом. Робко переступила порог. Полупустой зал, столики, расставленные вдоль стен. Как давно она здесь не была! Вот и стол у окна, за которым они обычно сидели. У них было поверье – если стол свободен, значит, все будет хорошо, значит, все сложится, будет удача! Столик был свободен, словно приглашая ее, занять свое законное место. Она отодвинула стул и присела у окна. Посмотрела сквозь запотевшее стекло. На улице промозглая осень, металлический звон трамваев, мелкий морозящий дождь. В зале совсем не было людей, на столике одиноко лежало меню, а напротив не было Его. Как необычно – Она здесь, а Его напротив нет. Его смеющееся лицо, небрежный жест плейбоя в сторону официанта, потом они весело делали заказ, долго сидели – все это осталось в далеком прошлом.

Официант не удивился, когда она попросила еду “на вынос”. Здесь это было принято. Она долго сидела, пила свой кофе и посматривала на часы. Каким долгим оказалось ожидание. Она никогда не знала, что эти блюда готовятся так долго. Время раньше пролетало быстро, но сейчас, когда его не было рядом, это время, словно испытывало ее на проч-

ность. Оно истязало ее.

– Время, – подумала она, – сколько его осталось? – и снова посмотрела на часы, где стрелки невозмутимо отсчитывали минуты ее жизни. Взглянула в окно. Промозглый день, свет с улицы пасмурно освещающий этот неуютный зал. Неуютный – потому что его нет рядом...

И снова дорога и пробки, остывающая еда в лоточках, она везет все это, и, кажется, что не доедет никогда. А так хотелось вернуться первой, накрыть стол, успеть надеть платье,... то самое, которое он так любил когда-то. Не важно, что старомодное, главное – Он любил его. Сесть за стол и ждать. Только женщина может придумать праздник. Только женщина может ждать. Мужчина без женщины ничто. Только она может сделать так, чтобы он был рядом и знал, что никуда торопиться не нужно, потому что незачем, потому что с ней ему хорошо. И не важно – сколько еще осталось. Главное, чтобы ему было хорошо, остальное теперь не имело никакого значения...

Наконец, знакомая улица и знакомый дом. Вот подъезд, еще несколько этажей, шагов. Как хотелось, чтобы он еще не пришел. Успеть бы... И обязательно зажечь свечи. Две свечи! Поставить серебряный подсвечник и зажечь их!

Она открыла дверь, вошла и ошеломенела. Он стоял у порога, загадочно смотрел и улыбался.

– Не успела!!! – промелькнуло в ее сознании. Сняв плащ, прошла в комнату. Руки сами опустились, и пакеты с едой

выскользнули на пол. Стол в гостиной был накрыт праздничной скатертью и заставлен едой... Знакомой едой! Той самой! Из того самого ресторана, откуда столько времени ехала. В центре стола изящно изгибался серебряный подсвечник, а на нем горели свечи... Две свечи!.. А вокруг...

Она уже задыхалась, и голова шла кругом. А вокруг, куда не посмотреть, стояли букеты цветов. Вся комната была заставлена цветами. Она никогда еще не видела их в таком количестве в одном месте, даже в цветочном магазине! Даже за городом, в горах или в поле, нигде и никогда в ее жизни не было столько цветов. Все они были разными, создавали собой причудливые букеты, были повязаны какими-то лентами и источали удивительный запах. Запах этот кружил голову, пьянил, и она уже плыла на каком-то облаке, украшенном цветами. Облако поднималось все выше и выше, голова кружилась. Больше она не помнила ничего...

Очнулась в каком-то незнакомом помещении и услышала голос мужа и какого-то незнакомого человека.

– Ничего страшного, – говорил человек, – это обморок, скоро пройдет. Легкий приступ...

– Какой приступ? У нее никогда не было ничего подобного, она абсолютно здорова!

– В таком возрасте это бывает. Это нормально...

– В каком возрасте? – возмутился муж, потом осекся и добавил, – в возрасте, да-да, я понимаю... В таком возрасте.

– Ты устроил целую оранжерею в своей квартире, тут лю-

бой может задохнуться!.. Короче, страшного ничего... Но ты понял меня, вам срочно нужно вылетать в клинику к моему коллеге, время не терпит. Сам понимаешь, больше ждать нельзя.

– Да, нельзя, ты прав, ты абсолютно прав...

И снова только облачко в ее глазах и две свечки, мерцающие в темноте, его улыбающиеся глаза и стол, заставленный всякой всячиной, которую они так любили когда-то...

4

Море плескалось у его ног, а он сидел у кромки воды, смотрел в бесконечную водную даль и ждал. Уже несколько дней сидел так, смотрел на море и снова ждал. Она находилась в клинике, и ему оставалось лишь одно, сидеть на берегу незнакомого моря, ожидая неизвестного исхода их путешествия. И такая неизвестность все больше пугала.

Волны привычно накатывали на берег, растворяясь в песке. Волны совершали свой бесконечный путь. Они следовали одна за другой в строгой очередности, преодолевая мили пути, пока не замечали этот берег. И, словно, желая разглядеть его лучше, становились выше, поднимались, уже захлебывались, переливаясь барашками через края. Вставали во весь свой рост, наконец, достигали песчаной отмели, вырываясь из бесконечного водного плена, и падали, умирая на горячем песке.

И снова и снова. Те далекие, едва видимые, пока еще не ведая, что их ожидает, нетерпеливо продолжали свой долгий путь, пока не повторяли судьбу уже дошедших. И так каждое мгновение, каждую минуту или час, день, столетие. Миллионы лет эти волны делали одно и то же. Неисчислимыми легионами нападали на песчаный берег, пытаясь смести его со своего пути, пока не падали и растворялись. Некоторые поднимались выше остальных. Им было это дано. Они видели дальше других, знали, куда идут, на что идут, но упорно продолжали свой путь к песчаному берегу. Они знали, что эта уютная бухта ждет их, чтобы упокоить, усмирить, дать отдохнуть – пора уступать место другим...

Он отвернулся, подумав: – Какая-то обреченность. Зачем все это, если неминуемо тебя ждет этот берег. Ни этот, так другой. Все просто, когда думаешь, что ты вечен, живешь себе завтрашним днем, не задумываясь ни о чем. Но стоит времени показать свое лицо, ты замечаешь его, видишь песчаный берег, тогда и наступает сегодня со своими границами и приходится возвращаться оттуда – из будущего, чтобы начинать жить прямо сейчас. Только зачем? И как? Как жить, когда этот берег так близко? Вот когда начинается кошмар... Парадокс...

И подумал, что больше не может смотреть на это море, сейчас он ненавидел его, а волны продолжали плескаться у его ног, таяли, просачиваясь сквозь песок, и умирали...

– Снова здесь?

Его окликнул старый еврей, с которым они познакомились пару дней назад. Тот хорошо говорил по-русски, впрочем, и был тем самым русским, который двадцать лет назад приехал сюда и теперь со своей большой семьей держал маленькое кафе на пляже.

Он кивнул ему в ответ, а еврей продолжил:

– Ну, как, съездили в Иерусалим?

– Иерусалим? – равнодушно переспросил он, – нет, не ездил. Не до этого было.

– Зачем же вы приехали на Святую Землю? – удивился тот.

Еврей был очень разговорчив. С первого дня он общался с ним, как с хорошим старым знакомым, и это располагало. Люди в Москве не разговаривают с посторонними. Люди даже мало общаются с близкими им людьми, а здесь совсем другие обычаи. Уже несколько дней он просиживал на этом пляже в ожидании вечера, когда можно будет отправиться в клинику неподалеку, чтобы снова увидеть жену, поговорить с врачом. И все эти несколько дней он ел в этом кафе, пил, смотрел на море и ждал. Он словно поселился на этом мягком диванчике у самой кромки воды и никуда уходить не хотел, иногда бесцельно бродил вдоль широкой набережной, и только поздно вечером возвращался в гостиницу.

– Зачем? – очнулся он от своих мыслей. – Так, ... по делам, – уклончиво ответил он, выжидаяще посмотрев на ев-

рея, давая понять, что добавить нечего.

– И правильно, – продолжал еврей. – Если вы не собирались ехать в Иерусалим, вам это делать и не надо вовсе.

Теперь он говорил серьезно, оставив свою лукавую улыбку.

– Миллионы людей приезжают сюда, чтобы прикоснуться к святыням. Но это паломники. Они готовились к такой поездке, а просто так заходить в Старый Город, пожалуй, не имеет смысла. Он ничего вам не даст. Он вам не понравится, не оставит впечатлений. Лучше как-нибудь в другой раз.

Еврей снова улыбнулся и спросил: – Как обычно кофе?

– Кофе?... Да, пожалуй, – пробормотал он и внезапно спросил:

– А что там смотрят в Иерусалиме? В этом старом городе?

– Вы не знаете? – еврей был ошеломлен его невежеством. – Вы крещеный?

– Да, ... конечно, – ответил он.

– И не знаете, где находится Голгофа или Храм гроба Господнего? Это ваши святыни!

Он уже пожалел, что задал этот вопрос, а еврей продолжал:

– В старом городе проходит Крестный Путь Иисуса. Начинается он с момента, как его осудили, потом дали деревянный тяжелый крест и отправили на Голгофу. Этот маршрут равняется целой жизни. Долгую жизнь он прожил на этих улицах, неся свой крест.

Он удивился и снова зачем-то спросил:

– Какова длина этого пути?

Еврей хитро прищурился: – Смотря чем измерять. Если метрами, всего три-четыре сотни шагов, если поступками... Он поднимал свой крест, ронял его, снова поднимал и нес. Говорил с людьми, за грехи которых шел отдавать жизнь, останавливался и шел дальше. Потом распятие на Голгофе, смерть и, наконец, чудесное воскрешение.

Старый еврей, подумал немного и добавил: – А так, всего-то несколько сотен метров.

– Жизнь длиною в несколько сотен метров, – повторил он и снова посмотрел на море, где волны, гонимые ветром, накатывали на берег. Долго так сидел, позабыв о хозяине маленького кафе, с которым только что беседовал. Тот неспешно удалился, не произнеся больше ни слова, потом принес чашечку ароматного кофе и скрылся в глубине кафе.

Ехать в какой-то старый город, чтобы смотреть на Святые места? Зачем? – удивился он. Все эти экскурсии, впечатления не имеют никакого смысла, когда не можешь без нее двинуться с места. Даже море, которое он так любил когда-то, теперь совсем не радовало его. Он чувствовал себя предателем. Пока она там, в клинике, он здесь нежится на солнце и получает удовольствие от жизни. Только удовольствия не было, лишь безвольное ожидание длиною в несколько дней, и вечером снова в клинику.

А время шло. Оно уходило, растворяясь в песке вместе

с набегаящими волнами. “Жизнь длиной в три сотни шагов”, – вспомнил он. – Что можно успеть за такое короткое время?

5

– Пока вас порадовать нечем, – услышал он знакомую фразу врача. Эти слова он слышал каждый день. Каждый день задавал один и тот же вопрос и получал этот ответ.

– Мы работаем, мы проводим анализ ситуации...

– Вы можете как-то повлиять на ситуацию? – перебил он врача.

Тот долго что-то объяснял своим мягким голосом, он, плохо понимал его, но теперь знал точно – это действительно болезнь, редкая, даже уникальная. Болезнь, которая каким-то дьявольским способом сокращала жизнь совершенно здорового человека. Излечиться от нее было нельзя, можно лишь приостановить, но прежде нужно знать, с какой скоростью человек живет..., то есть, проживает отпущенное ему время, сколько еще осталось и сколько исполнится через месяц, неделю и даже один день.

– Мы работаем, – продолжал врач, – нам необходимо еще немного времени, чтобы оценить скорость изменения процессов в организме, тогда и будем принимать решения...

Выйдя из кабинета, он направился в небольшой садик, где

на скамейке как обычно сидела она и ждала его.

Он подошел, поцеловал. Поцеловал как ребенка маленького и несмышленного. Они долго сидели, о чем-то говорили, медленно выговаривая слова. Он с трудом их находил, но пытался делать это бодро и энергично, словно ничего не случилось. Она подыгрывала, понимая, что сказать нечего. Пытаясь поднять настроение, он рассказал о старом еврее, с которым познакомился, вспомнил пару местных анекдотов, которых тот ему подарил. Они смеялись, но оба чувствовали напряжение, и каждый хотел быстрее закончить тягостное свидание. Так было все эти несколько дней. Приходилось натужно улыбаться, говорить ничего не значащие слова и коротать время. Она не хотела, чтобы он думал об этом, утешал или помогал, потому что помочь было невозможно, а он не хотел говорить на эту тему, пытаясь отвлечь ее, хотя это с трудом удавалось самому. И оба с облегчением прощались, зная, что завтра увидятся вновь и продолжат эту игру. Незнестность перед будущим – страшная вещь. Это игра без правил и не знаешь, как в нее играть с кем-то, особенно если этот кто-то близкий тебе человек...

Снова берег и мягкий диванчик в прибрежном кафе. Раннее утро, все пока закрыто, но он еще не перевел стрелки московских часов и по привычке проснулся рано. Не зная, куда себя деть, пришел сюда. Ветер шевелил на набережной кроны редких пальм и ветки кустарников, по-хозяйски раз-

гуливал по пустынному пляжу, раскачивая из стороны в сторону навесы легких палаток с сувенирами и всякой ерундой. Солнце еще не осознавало, что уже давно наступила поздняя осень, и нещадно палило, а он все сидел и смотрел на беспокойное море. Наконец, внимание его привлекло суденышко, которое приближалось и, наконец, причалило неподалеку к небольшому пирсу. Из корабля начали выпрыгивать люди – взрослые и дети, загорелые, веселые, возбужденные морской прогулкой. Наконец, из глубины вышел знакомый старый еврей. Они несли поклажу – спиннинги, большой мангал и свой улов. В этой стране национальным видом спорта было устройство пикников, и в выходные каждая пядь земли была утыкана столиками и мангалами, шумными компаниями трезвых веселых людей, которые жарили мясо, шутили, смеялись, не смущаясь теснотой вокруг. Конечно, происходило все не на пляже, но все парки и газоны были усеяны отдыхающими. А у владельца кафе был свой корабль! Грех было не выйти в море и не провести пикник на воде.

Корабль – смешно! – подумал он. – Небольшое суденышко, закрытое от солнца нелепым пластиковым тентом и маленькая открытая палуба. Старая галоша – кажется, так называются подобные суда.

И вспомнил картинки прекрасных кораблей, украшавших стену его офиса, огромных лайнеров и яхт малого и среднего размера, на которых можно было при желании совершить кругосветное плавание, а эта... Такую лодку он мог бы поз-

волить себе купить десяток лет назад. Снова посмотрел на веселых людей, на семью, которая уже подбрела, весело гомоня, к своему дому. (Здесь они жили – в домике, неподалеку от кафе. Жили и работали – все находилось рядом). И на мгновение ему стало не по себе. У этих людей нет скачкового корабля, нет виллы на море, только маленькое кафе, лодочка, в которую непонятно как все поместились и больше ничего. А это удивительное семейство старого еврея! Как интересно – он ничего не ждал, просто жил, работал, рождались дети, потом внуки. Казалось, он был доволен всем, он имел в этой жизни все.

И он снова посмотрел на обшарпанное суденышко.

Еврей приветливо помахал рукой и скрылся в своем жилище. Через несколько минут сам появился в фартуке, неся дымящийся кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.